

ЕВРАЗИЙСКИЕ ПОДХОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XX ВВ. (В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ)

Гафаров Ан.А.¹, Набиев Р.А.¹, Саттарова А.И.¹, Галеева М.А.¹, Гафаров Ал.А.¹

¹ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, e-mail: public.mail@kpfu.ru

Обновление и возрождение России на основе федералистских принципов, поиск современной консолидирующей идеи российского общества объективно связаны с задачами преодоления рудиментов имперской, западно ориентированной отечественной историографии, а также соответствующих традиций преподавания российской истории. Важную роль в решении данных насущных проблем может сыграть теоретическое наследие «евразийской исторической школы». Целью данной статьи стала попытка выявить и охарактеризовать комплекс евразийских подходов в интерпретации основных сюжетов отечественной истории. На основе историографического анализа евразийской научной литературы (трудов Н.С. Трубецкого, Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого, Л.Н. Гумилёва и иных, а также их предшественников) авторы пришли к выводу о том, что теоретические предпосылки евразийства, выводящие российскую историографию за рамки устоявшейся западной традиции, складывались во второй половине XIX в. на основе преемственности развития российской исторической мысли. Евразийская школа, рассматривая Россию как отдельную цивилизацию, пыталась представить новые, более адекватные, органичные основы консолидации многонационального российского общества. Основные положения евразийской доктрины, востребованные в ходе более глубокого и многогранного осмысления исторического прошлого России, воспитательной и образовательной деятельности, могут стать важным фактором формирования представлений о современной российской идентичности.

Ключевые слова: Россия, отечественная историография, евразийская историческая школа, XIX–XX вв.

EURASIAN APPROACHES TO DOMESTIC HISTORIOGRAPHY XIX–XX CENTURIES (IN THE CONTEXT OF INTERPRETATION AND TEACHING THE HISTORY OF RUSSIA)

Gafarov An.A.¹, Nabiev R.A.¹, Sattarova A.I.¹, Galeeva M.A.¹, Gafarov Al.A.¹

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, e-mail: public.mail@ksu.ru

The renewal and revival of Russia on the basis of federalist principles, the search for a modern consolidating idea of Russian society are objectively associated with the tasks of overcoming the rudiments of imperial, western-oriented Russian historiography, as well as the corresponding traditions of teaching Russian history. The theoretical legacy of the «Eurasian historical school» can play an important role in solving these pressing problems. The purpose of this article was an attempt to identify and characterize a complex of Eurasian approaches in interpreting the main plots of Russian history. Based on the historiographic analysis of Eurasian scientific literature (the works of N.S. Trubetsky, G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky, L.N. Gumilyov et al., as well as their predecessors), the authors came to the conclusion that the theoretical preconditions of Eurasianism, which took Russian historiography beyond the framework of the established Westernist tradition, developed in the second half of the 19th century on the basis of the continuity of development of Russian historical thought. The Eurasian school, considering Russia as a separate civilization, tried to present new, more adequate, organic foundations of the consolidation of multinational Russian society. The main provisions of the Eurasian doctrine, demanded in the course of a deeper and more diverse understanding of the historical past of Russia, educational and educational activities, can become an important factor in the formation of ideas about modern Russian identity.

Keywords: Russia, domestic historiography, Eurasian historical school, XIX–XX centuries.

Распад СССР и образование новых государств поставили вопрос о перспективах и возможностях интеграции постсоветского пространства. Вместе с тем очевидно, что центробежные тенденции не исчерпали свои силы: как никогда актуальна проблема консолидирующей идеи. Попытки реанимировать имперские модели общественного сознания малопродуктивны и опасны. Большой интерес в данном отношении представляет возможная рецепция евразийской идеи, выдвинутой группой российских мыслителей

(историков, философов, правоведов, социологов, теологов) в начале XX в. Ее отразили в своих работах наиболее видные представители «евразийской школы»: Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий и иные; к поздним евразийцам можно отнести также Л.Н. Гумилёва. Теоретические предпосылки евразийства были заложены во второй половине XIX в. в трудах Н.Я. Данилевского, И. Гаспринского. По мнению Я.Ш. Шарапова: «...евразийская доктрина была выдвинута в качестве панацеи от опасности развала “Большой России” после падения империи Романовых. Первооснову доктрины составляла идея самобытности России, идея принципиального отличия России от других стран мира» [1, с. 10]. Евразийская идея, не принятая в советский период, способна в настоящее время укрепить социокультурную платформу общественной консолидации. Наиболее естественной формой реализации насущных задач являются исторические аспекты образования, связанные с поиском евразийских истоков российской цивилизации.

Целью предпринятого историографического исследования является выявить и охарактеризовать круг основных концептов евразийской интерпретации ключевых сюжетов истории России. Наряду с трудами ученых евразийской школы были затронуты произведения, высказывания историков XIX в., отразившие складывание теоретических предпосылок евразийских представлений.

Теоретическая основа и методологическая база статьи связаны с цивилизационным подходом. Его основополагающие положения были представлены в философских, исторических работах Н.Я. Данилевского, В. Шубарта, О. Шпенглера, М. Вебера, А. Тойнби и др. Они определили как концептуальную канву, так и структуру теоретических и методологических посылок исследования, представлений о тенденциях развития российской истории. Вместе с тем для данного подхода характерны жесткие установки, связанные с воззрениями о локальности, обособленности цивилизаций. По мнению О. Шпенглера («Закат Европы», 1918), каждая культура обладает характерными чертами, абсолютно недоступными для представителей других «иначе чувствующих культур» [2, с. 334]. В этом случае из поля зрения исследования выпадают аспекты культурного синтеза, особенно важные для понимания исторического развития полиэтноконфессиональных стран. Умеренная позиция А. Тойнби («Постижение истории», 1934–1961) в данном отношении не разрешает до конца проблему межцивилизационных, межкультурных взаимодействий. Недостаток теории локальных цивилизаций в отношении России помогает преодолеть евразийская историческая школа. Воспринимая Россию как отдельную цивилизацию, евразийцы вместе с тем подчеркивают ее синтетический характер.

Россия, по мнению историков евразийской исторической школы, возникла и развивается по сей день на основе сложного взаимодействия, взаимопроникновения культур

тюрко-мусульманского и славяно-христианского миров. Славяне, расселившиеся на обширных просторах Восточной Европы, неизбежно вступали в разнообразные, многосторонние связи с тюркскими, финно-угорскими, балтскими народами. Симбиотический характер взаимодействий жителей лесов и степей определялся, как обращал внимание Л.Н. Гумилёв, естественным разделением труда [3, с. 34]. Политические, социокультурные традиции восточнославянских племен нередко формировались под влиянием государственных образований древнетюркских народов. Анты и дулебы входили в состав Аварского каганата; поляне – Великой Булгарии; вятичи, поляне, радимичи, северяне и иные до середины X в. были данниками Хазарского кагана. Не случайно Владимир I Святославович после победоносных походов отца против хазар попытался утвердить свое государство под именем Киевского каганата.

Объективное стремление к подобным симбиотическим связям проявилось в последующих взаимоотношениях и с другими тюркскими кочевыми народами: печенегами, половцами и др. Они проявлялись в заключении военно-политических союзов, династических браков, развитии торговых связей и т.д. С середины XII в. печенеги, торки, берендеи и другие «осколки» кочевых тюркских племен (союз «черные клобуки»), потесненные новыми пришельцами с востока, обороняли в качестве конфедератов южные пределы древнерусского государства. В результате подобного сближения происходило естественное смешение народов. По мнению Н.С. Трубецкого, связь восточных славян с «туринцами» «закреплена не только этнографически, но и антропологически», ибо в их жилах течет и тюркская кровь [4, с. 344].

В результате в Восточной Европе изначально сложилась уникальная социокультурная ситуация взаимовлияния, взаимопроникновения культур и цивилизаций (при сохранении идентичности населяющих ее народов). «Русская цивилизация и культура постепенно пропитывалась началами... цивилизации и культуры степных кочевников», – пишет Г.В. Вернадский. У них перенимались одежда, оружие, воинское искусство, образ мыслей [5, с. 354]. Показательно, что кочевники (гунны, авары, татаро-монголы и др.) неоднократно вторгались в Центральную и Западную Европу, однако им не удалось утвердиться там на какое-либо длительное время. Дунайские болгары и венгры в значительной степени потеряли в итоге свою идентичность, оказались ассимилированы окружающей социокультурной средой. Судьба России в данном отношении выглядит уникальной. Как утверждал Н.А. Бердяев: «Россия не может определять себя как Восток и противопоставлять себя Западу», но вместе с тем она «...должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» [6, с. 28, 61]. Образ России как соединителя двух миров использовался и в официальной идеологии. Так, под влиянием идей немецкого романтизма и

свойственного ему ориентализма находился министр народного просвещения граф С.С. Уваров. Им неоднократно высказывалась идея о евразийском потенциале Империи как посредника между западом и «колыбелью европейской цивилизации», находящейся на востоке (посредника подобного греческой культуре, опирающейся на достижения восточной философии).

Становлению особого, по выражению Н.Я. Данилевского, культурно-исторического типа [7] способствовало также вовлечение русских земель в состав татаро-монгольского государства. С геополитической точки зрения империя Чингисхана предвосхитила формирование будущей Российской империи. Чтобы убедиться в этом, Н.С. Трубецкой предлагал взглянуть на историческую карту: территория Советского Союза составляет значительную часть государства, созданного великим завоевателем. Выход за эти пределы, присоединение в XVIII–XIX вв. Прибалтики, Польши, Финляндии оказались непродолжительными. Они вскоре отпали, поскольку естественной связи с Россией у них не было. «То государство, которое можно называть Россией, или СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [8, с. 209–210]. Поэтому российское государство, являясь «наследником, преемником, продолжателем исторического дела Чингисхана», инстинктивно стремится к восстановлению утраченного единства [8, с. 209–210].

Структура утвердившихся русско-ордынских отношений позволяет рассматривать Золотую Орду (Улус Джучи) как русско-татарский союз, противостоящий западноевропейской, католической экспансии. Не случайно наиболее ревностным проводником такого взаимодействия был знаменитый А. Невский, который Батые называл отцом, а его сына Сартака – братом. Г.В. Вернадский по этому поводу писал: «Монголо-татарская волна поддержала на своем гребне оборону русского народа от латинского Запада» [5, с. 357]. Отмечая значительную роль татарского воинства в отражении натиска крестоносцев, Л.Н. Гумилёв приходит к выводу, что ордынцы, даже не имея такой цели, «...служили преградой на пути католических сил, давая возможность усилиться Московскому княжеству». В результате союз с Золотой Ордой способствовал утверждению на Руси вожденного покоя и твердого порядка [3, с. 146, 187]. Своеобразным апогеем русско-ордынского военно-политического сотрудничества стала решающая битва под Грюнвальдом (1410). В победе славяно-литовского войска над Тевтонским орденом не последнюю роль сыграла конница будущего золотоордынского хана Джелал ад-Дина (1512).

250 лет тесных связей привели к закономерной русской ассимиляции элементов политического и социокультурного уклада Орды. (Эти изменения коснулись русского языка, антропологического типа, быта, торговли, государственного устройства, организации

военной, финансовой, таможенной, налоговой, почтово-курьерской службы и т. д.) [8, с. 222–223]. Об истоках имперских регалий России Г.С. Губайдуллин (Г. Газиз) пишет, что титулом «царь» первоначально начали официально именоваться золотоордынские правители. Эта традиция, вероятно, утвердилась в начале XIV в. после женитьбы одного из ханов на побочной дочери византийского императора Андроника II Палеолога. Не случайно на ордынских монетах, отчеканенных в этот период, фигурирует изображение двуглавого орла, задолго до его принятия в качестве герба России [9, с. 66].

По мнению Г.В. Вернадского, Золотая Орда имела все возможности интегрироваться в единое государство, подобно тому, как конституировались монголо-персидское и монголо-китайское государства. Главным препятствием для подобного слияния стал религиозный барьер. Если бы ханы Орды склонились к православию, а не к исламу, то, «...вероятно, не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром русской земли» [5, с. 359]. Не удивительно, что русские земли оставались до конца XV в. последними вассальными территориями Большой Орды. В свете вышесказанного имперские амбиции московских князей, их претензии на ханское наследство представляются вполне естественными. «Как бы то ни было, государственное объединение России под властью Москвы было прямым следствием “татарского ига”» [8, с. 226]. Новая держава, по утверждению Л.Н. Гумилёва, выступила, таким образом, «наследницей» тюркских государств: «Тюркского каганата и Монгольского улуса» [3, с. 310].

Последовавшее образование отдельного московского государства вовсе не означало выхода из привычной структуры русско-ордынских взаимодействий. Даже после «стояния на реке Угре» (1480) даннические отношения («поминки» – «тиеш») сохранялись еще длительное время. Они были официально отменены лишь ст. VIII Константинопольского договора 1700 г. (впрочем, на русско-турецких переговорах в 1713 г. этот вопрос еще поднимался). В случае приезда послов из Казани, Астрахани, Бахчисарая московские правители, как и раньше, поднимались и стоя, принимая грамоту, вопрошали: «Поздоров ли хан?» По мере своего усиления Москва активно включилась в борьбу за лидерство на постордынском пространстве. При этом она в разные периоды традиционно опиралась на привычных ордынских союзников (Ногайскую Орду, Крымское ханство, «касимовцев» и др.).

Татарские феодалы в большом количестве привлекались на русскую военную службу [10]. Они «...стали одной из надежнейших опор зарождающейся русской государственности» [8, с. 232]. Бархатная книга XVII в. свидетельствует: 17% служилых фамилий Московского государства были татарского происхождения [11, с. 193]. Традиции, сложившиеся в результате ордынского влияния, прослеживаются практически во всех

сферах становления и развития Российского государства: стремление московских правителей к деспотичной власти, всемерное утверждение военно-феодальных отношений, постоянная борьба за расширение даннической территории и т.д. Традицией или инерцией политического мышления можно также объяснить первоначальный план унии Московского царства с Казанским ханством. Присоединяя земли распавшейся Орды, московское правительство также прибегало к традиционным методам: как в способах покорения татарских территорий, так и в способах управления ими. На территориях, присоединенных к Московии, поверженных татарских «йортов» был даже сохранен привычный ясак, который теперь выплачивался «Белому царю».

Соответственно прослеживается отличие российской политики в отношении присоединенных земель распавшейся Орды от колониальной политики западноевропейских держав. Если Испания, Англия, Франция и иные, завоевывая очередные заморские владения, сознавали, что берут чужое, то московские правители были свято убеждены, что по праву наследования возвращают свое. Таким образом, с точки зрения евразийства, в социокультурном плане Россия до начала прозападнических реформ XVIII в. выступала более интегрированной страной, чем другие новоявленные империи Нового времени.

Как видим, евразийство решительно оттолкнулось от господствовавшей в отечественной историографии XVIII–XIX в. западнической традиции, основополагающий принцип которой был выражен Екатериной II в ст. 6 знаменитого «Наказа Уложенной комиссии» (1767): «Россия есть Европейская держава» [12, с. 2]. При этом очевидно, что в этот период, на фоне растущих социокультурных противоречий исподволь накапливался научно-исторический материал (в трудах О.В. Ключевского, Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева и др.), дающий пищу для альтернативных воззрений. Эти научные наработки позволили Исмаилу Гаспринскому (выдающемуся просветителю и признанному лидеру мусульманского движения России) перевести наметившийся дискурс в практическое, политологическое русло, выступить с идеей «русско-восточного соглашения» (1896). В своей программной работе он в целом с евразийских позиций анализирует геополитическое положение Российской империи. Его с полным основанием можно считать по духу и смыслу, ранним евразийцем. Он в своей научной и общественной деятельности отразил встречный взгляд (евразийской рефлексии) с Востока.

Указывая на особое расположение России – между «монгольским миром и Европой», крымский мыслитель обращает внимание на то, что Европа для нее ненадежный союзник. Она будет и впредь стремиться использовать в своих интересах, «мнимые», по его убеждению, провоцируемые извне противоречия между Россией и Востоком (прежде всего Османской империей) [13, с. 67]. Ведущие западноевропейские страны (Англия, Франция и

др.), так или иначе, никогда не допустят выхода России к важным для нее стратегическим рубежам Средиземноморья, сделают все, «чтобы Россия была заперта в Черном море» [13, с. 69]. По мнению И. Гаспринского, Россия должна стать лидером Восточного мира, сблизиться с Турцией, Ираном, а также с другими мусульманскими странами. «Русско-восточное соглашение» позволило бы остановить губительную для восточных стран политическую, социокультурную экспансию Западного мира.

Благодаря изданию И. Гаспринским газеты «Тарджеман» («Переводчик», 1883–1918 гг.), которая печаталась на тюрко-татарском и русском языках, эти идеи получили широкое распространение как в России, так и за рубежом. Не случайно И. Гаспринский в 1910 г. был выдвинут на соискание Нобелевской премии мира. Однако, как признает французский востоковед А.А. Беннигсен, призывы к евразийской консолидации так и «...не нашли должной поддержки ни в царском правительстве, ни среди монархических партий правового крыла» [14, с. 94]. Еще в меньшей степени были склонны воспринимать евразийские идеи пришедшие к власти коммунисты. Это привело к последующей эмиграции в начале 1920-х гг. большинства адептов нарождающегося евразийства (Н.С. Трубецкого, Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и др.). Прекрасно осознавая паллиатив большевистской политики, неизбежность усиления центробежных тенденций, общенационального кризиса и социокультурного раскола, они призвали здравомыслящие силы российского общества вновь обрести некогда утраченное органичное единство России.

Вместе с тем заложенные исследовательские традиции, теоретические подходы евразийства продолжали жить и развиваться в русле советской историографии, частично мимикрируя под требования господствующей идеологии, исподволь подготавливая последующее восприятие некогда утерянной широты теоретических исследовательских подходов осмысления российской истории. Продолжающиеся исследования в эмигрантской среде в Праге, Берлине, Париже и иных городах также оказывали определенное влияние на тенденции развития научно-исторической мысли в Советском Союзе. Наиболее ярко позднее так называемое неоевразийство проявилось в научных изысканиях Л.Н. Гумилёва. После краха коммунистического режима, девальвации основополагающих принципов советского государства, в ходе поиска новых идейно-культурных парадигм развития российской общности сложилась ситуация востребованности евразийского идейного наследия. Важным фактором преодоления сложившихся стереотипов, формирования общественного мнения может стать система исторического образования, которая бы ассимилировала позитивные элементы евразийской трактовки российской истории. Осознание неразрывного переплетения исторических судеб и взаимовлияние культур народов России (при сохранении их самобытности) позволили бы «...понять, что начало разнообразия только пополняет и

оплодотворяет начало единства» [15].

Список литературы

1. Шарапов Я.Ш. Евразийская доктрина в российской историографии // Духовная культура: идеи, история, реальность: Тез. докл. респ. науч. конф., 19-20 мая 1994 г. / Редкол.: М.З. Закиев, С.М. Михайлова (отв. редакторы) и др. Казань: Kazan-Казань, 1994. С. 10-11.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.
3. Гумилёв Л.Н. От Руси к России / Свод № 4. Международный альманах / Сост. Н.В. Гумилёва; пред., коммент., рисунки карт и общ. ред. А.И. Куркчи. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1995. 552 с.
4. Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этническая основа русской культуры) // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России / Сост., вступ. ст., коммент. И.А. Исаева. М.: Русская книга, 1992. С. 330-345.
5. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Основы евразийства. М.: Арктогея центр, 2002. С. 351-562.
6. Бердяев Н. Судьба России / Составление и послесловие К.П. Ковалёва. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с.
8. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Основы евразийства. М.: Арктогея центр, 2002. С. 208-265.
9. Газиз Г. История татар. М.: «Московский лицей», 1994. 190 с.
10. Халиков А.Х. Россия тарихында Болгар, Казан, Идел һәм Урал буе татарлары. Болгар-татарларга бэйләнешле 500 рус фамилиясе (500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения). Казан: Издательство «Казань», 1992. 192 б.
11. Ключевский О.В. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / Послел. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица. М.: Мысль, 1987. 447 с.
12. Наказ императрицы Екатерины II данной комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. [и с предисл.] Н.Д. Чечулина. СПб, 1907. CLIV с., 175 с.
13. Исмаил Бей Гаспринский. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань: Тат. книж. изд-во, 1993. 130 с.
14. Беннигсен А.А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидского

движение в России // Исмаил Бей Гапринский. Россия и Восток. Казань: Тат. книж. изд-во, 1993. С. 79-97.

15. Об инородческих языках (Знаменательное слово В.И. Ламанского в «Живой Старине») // С.-Петербургские ведомости. 1896. № 64. 6 марта.